

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК 39(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.94

«Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) *

© **КВАШНИН Юрий Николаевич**, кандидат исторических наук

E-mail: ukwa@yandex.ru

Тюменский научный центр СО РАН, Тобольск, Россия

Аннотация. В статье подробно рассмотрен список «самоедов», составленный в 1832 г. тобольским миссионером иеромонахом Макарием. Родовые названия и фамилии, указанные там, показывают, что они относились к европейским, приуральским и сибирским тундровым ненцам и не случайно оказались в одном списке. Это была небольшая часть «войкарской самоеди», обособленной территориальной группы ненецкого этноса, кочевавшей в XVII–XIX вв. по обеим сторонам Приполярного Урала. На основе сведений из «Списка», обобщения материалов из архивных документов и работ учёных и путешественников XVIII–XX вв. удалось выдвинуть обоснованные предположения и уточнения о происхождении некоторых ненецких родов и патронимий, местах их расселения и брачных связях. Кроме этого, впервые удалось отыскать сведения о составителе «Списка», его жизни и деятельности задолго до миссионерской поездки на север Берёзовского округа.

Ключевые слова: иеромонах Макарий, ненцы, миссия, крещение, войкарская самоедь, роды, патронимии, происхождение.

“This family has been found and is now located in Obdorsk region...” (reflections on the list of Samoyeds of Berezovsky district in 1832)

© **Yuri N. KVASHNIN**, Cand. Sci. (Hist.)

E-mail: ukwa@yandex.ru

Tyumen Scientific Center of the Siberian branch of the RAS, Tobolsk, Russia

Abstract. The article details the list of “Samoyeds”, compiled in 1832 by Tobolsk missionary Hieromonk Makarii. The generic names and surnames indicated there show that they belonged to the European, Ural and Siberian tundra Nenets, and it was not by chance that they were on the same list. It was a small group from the “Vojkar Samoyeds”, a separate territorial group of the Nenets ethnos, wandering in the 17th–19th centuries on both sides of the Subpolar Urals. On the basis of information from the “List”, generalization of materials from archival documents and works of researchers and travelers of the 18th–19th centuries, it was possible to put forward several reasonable assumptions and clarifications about the origin of some Nenets families and patronyms, places of their settlement and marital relations. In addition, for the first time, it was possible to find information about the compiler of the “List”, its life and activities long before the missionary trip to the north of the Berezovsky department.

Keywords: hieromonk Makarii, Nenets, mission, christening, Voykarsky Samoyeds, clans, patronymy, origin.

---

* Для цитирования:

Квашнин Ю.Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 94–118. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.94

For citation:

Kvashnin Yu.N. “This family has been found and is now located in Obdorsk region...” (reflections on the list of Samoyeds of Berezovsky district in 1832). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 94–118. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.94

Введение

Тобольский государственный архив на протяжении многих десятилетий привлекал учёных своими богатейшими материалами по истории и этнографии Сибири. На их основе были написаны сотни научных и научно-популярных статей и книг, десятки кандидатских и докторских диссертаций. Однако архивные фонды хранят ещё немало документов, до сих пор невостребованных специалистами. Сведения, почерпнутые из них, зачастую оказываются недостающими фрагментами в мозаике исторических процессов, происходивших в Западной Сибири.

Один из таких документов — «Список Самоедов Березовского Округа, крещённых в бывшую в Архангельской Губернии миссию 1826-го года», датированный 1832 г., был извлечён нами из «Дела о командировании Калужской епархии Боровского первоклассного Пафнутьева монастыря иеромонаха Макария в Березовское ведомство для проповеди слова Божия кочующим там инородцам». Из заголовка документа следует, что они были крещены миссией архимандрита Вениамина, работавшей на севере Архангельской губернии в 1826–30 гг. Составление Макарием «Списка самоедов», а также написание предваряющего его «Репорта» на имя тобольского митрополита, были обусловлены невозможностью отыскать *«при какой церкви их крещение записано в метрические книги, и к каким христианским обществам они причислены»*¹.

«Список самоедов», который мы помещаем в конце статьи, был впервые опубликован В.Я. Темплингом среди других документов дела. Однако при подготовке его к публикации составителем были допущены ошибки в прочтении нескольких имён и фамилий, а также пропущена запись об одной женщине [1, с. 50–51].

В процессе рассмотрения «Списка» нам пришлось обратиться к целому ряду архивных документов и работ учёных и путешественников XVIII–XX вв., прямо или косвенно затрагивающих вопросы родовой организации ненцев. Обобщая сведения, удалось выдвинуть обоснованные предположения и уточнения о происхождении некоторых ненецких родов и патронимий, местах их расселения и брачных связях. Важным выводом исследования стало то, что «самоеды» европейских, приуральских и сибирских родов не случайно оказались в одном списке. Это была небольшая группа из числа «войкарской самоеди», обособленной территориальной группы ненецкого этноса, кочевавшей в XVII–XIX вв. по обеим сторонам Приполярного Урала. Административно они относились к Куноватской и Ляпинской волостям Берёзовского уезда, а ясак платили «повольно» в Пустозёрске, в Обдорске или в Войкарском городке.

Упоминания о родах, входивших в состав «войкарской самоеди» имеются в трудах В. Иславина [2, с. 132–135], А. Регули [3, с. 164–165], архимандрита Вениамина [4, с. 97], А. Шренка [5, с. 560–562], Г.Д. Вербова [6, с. 52–57], Л.В. Хомич [7, с. 102–111]. В работах этих

---

¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее ГБУТО ГАТ). Ф. И156. Оп. 11. Д. 189. Л. 74-74об, 75-76.

исследователей приводятся сведения, констатирующие факты существования того или иного рода на локальной территории, но анализ их происхождения практически отсутствует. Архивные документы, касающиеся, в том числе, войкарских ненцев, рассматривают в своих публикациях А.И. Андреев [8, с. 84–103] и Е.И. Колычева [9, с. 76–88]. О куноватских и ляпинских ненцах, связанных брачными контактами с хантами и манси, писали З.П. Соколова [10, с. 33–36] и Е.П. Мартынова [11, с. 88–93]. Обобщение и анализ сведений об этой группе ненцев содержится в работах Б.О. Долгих [12, с. 33–47], Н.А. Миненко [13, с. 136–137], В.И. Васильева [14, с. 12–20; 15, с. 118–130; 16, с. 86–98]. Из недавних работ вызывает интерес статья Э. Руткаи-Миклиан [17], с которой наша статья некоторым образом перекликается.

Исследователи второй половины XX в. использовали разносторонние материалы о «войкарской самоеди», и по-разному их интерпретировали. В результате у них не сложилось единого мнения по истории формирования этой группы. В нашей статье мы попытались прояснить некоторые спорные моменты. Кроме этого, нам удалось отыскать сведения о составителе «Списка самоедов» — иеромонахе Макарии, его жизни и деятельности задолго до миссионерской поездки на север Берёзовского ведомства.

«Смирнейший послушник иеромонах Макарий»

Михаил Остальский, так звали Макария в миру, был родом из Малороссии. О нём как об учителе Волынской семинарии вскользь упоминается в «Сводном обзоре деятельности православных миссионеров среди северных нерусских народностей Сибири в XVIII–XIX вв.» 1869 г.² Сведения, извлечённые из книги историка-краеведа Н.И. Теодоровича «Волынская духовная семинария» показывают, что родился Михаил в 1783 г. в местечке Лабунь Заславского уезда в семье священника Антония Остальского. У Михаила был брат Иаков 1786 года рождения. Оба они учились в Волынской семинарии на богословском курсе. Михаил был принят туда в 1800 г., а Иаков в 1799 г. По окончании семинарии в 1811 г. Иаков был назначен священником в село Збитин Дубенского уезда, а Михаил поступил в мужской заштатный монастырь Иоанна Милостивого в селе Загайцы Кременецкого уезда «с надеждою получить монашество». Далее карьера Михаила развивалась стремительно. В 1812 г. он принял монашеский постриг, 29 июня этого года был возведён во иеродьякона, 30 июня во иеромонаха, а 9 сентября определён в наместники Загаецкого монастыря. По прошествии восьми месяцев, 12 мая 1813 г., иеромонах Макарий был назначен наместником мужского первоклассного Преображенского монастыря в г. Острог и присутствующим в Волынской консистории. В 1814 г. он стал учителем русской школы при Волынской семинарии. В октябре 1818 г. Макарий основал, а в феврале 1819 г. открыл в с. Загайцы приходское духовное училище, смотрителем которого оставался до 1823 г. [18, с. 48, 50–51, 189, 276, 847–848, 916].

---

² Федеральное казённое учреждение Российский государственный исторический архив (ФКУ РГИА). Ф. 797. Оп. 96. Д. 45. Л. 3об.

Далее следы иеромонаха Макария теряются. Интересно, что в книге Н.И. Теодоровича нет сведений о его переходе в какой-либо другой монастырь. О многих других священниках и монахах такие сведения имеются. Тем не менее, можно с определённой уверенностью утверждать, что 1820-х гг. Макарий был переведён в Боровский первоклассный Пафнутьев монастырь, относившийся к Калужской епархии (отстроенный и обновлённый в 1822 г. после пожара 1812 г.). Каких-либо сведений о его службе в этом монастыре пока отыскать не удалось. Однако именно оттуда Макарий был переведён в 1831 г. в Тобольск для подготовки к миссионерской деятельности на Обском Севере³.

В Тобольске иеромонах Макарий появился под фамилией Боголепов⁴. Здесь нет никакого противоречия. Фамилии, подобные этой, являются искусственными, «поповскими». Они стали распространяться в России с конца XVII в. среди учащихся семинарий и духовенства. Интересно, что искусственные фамилии были типичны для великорусского духовенства, а малорусские и белорусские священники в семинариях сохраняли свои наследственные фамилии [19, с. 169–170]. Соответственно, Макарий, перешедший из малорусской епархии в великорусскую, сменил фамилию по здешнему обыкновению.

Что стало для Макария побуждающим мотивом к изъявлению желания стать миссионером, просто ли приглашение архиепископа Тобольского и Сибирского Евгения? Возможно, его вдохновили успехи крещения самоедов миссией архимандрита Вениамина, и он решил попробовать свои силы на этом поприще. Однако могли быть и другие причины. В послужном списке Макария, представленном Тобольскому епархиальному начальству, значилось, *«что он состоит прикосновенным по секретному делу»*. Хотя *«означенное секретное дело Св. Синодом решено и он, Макарий, признан совершенно невиновным»*, возможно, ему было необходимо на некоторое время уехать из Боровского монастыря⁵.

Поездке Макария в Обдорск (ныне г. Салехард) предшествовал почти целый год согласований с епархиальным начальством. За это время в Тобольске сменилось три митрополита — Евгений, Павел, Афанасий. К весне 1832 г. состав миссии был утверждён. В помощники к Макарию были назначены выпускник Тобольской духовной семинарии Лука Вологодский и послушник Тобольского Знаменского монастыря Никита Соловьёв, приехавший в Тобольск вместе с Макарием из Калуги⁶.

В Обдорск миссия прибыла 20 июня 1832 г. и пробыла там до февраля 1833 г. Столкнувшись с сильным нежеланием местных жителей принимать христианскую веру, миссионеры за восемь месяцев работы крестили всего 17 человек остяков и самоедов [20, с. 21–22; 21, с. 15–16]. В апреле того же года иеромонах Макарий в своём очередном «репорте» архиепископу Афанасию фактически расписался в собственном бессилии крестить обдорских инородцев. По его словам, они *«ведут бродячую жизнь и находятся в далёком расстоянии*

³ ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 189. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 36–38об.

от христианских жилищ, в Обдорск являются один только раз в год для положения ясака», «к тому же и язык их весьма недостаточен для объяснения истин христианской религии», «надежды к обращению их в оную не предвижу»⁷.

Наследство, оставленное иеромонахом Макарием в виде «репортов» Тобольскому митрополиту, невелико и доступно пониманию в основном узкому кругу специалистов, которые занимаются историко-этнографическими исследованиями традиционной культуры народов Западной Сибири. Вряд ли Макарий задумывался над тем, «как его слово отзовется» и что именно может в будущем заинтересовать этнографов в составленных им документах.

«...рода Тускды»

Иеромонах Макарий, получивший отличное по тем временам образование, бывший учителем русской школы при Волынской семинарии, а значит хорошо владевший русским языком, в Обдорске оказался совершенно неготовым к восприятию имён и прозваний коренных жителей. Первое, на что обращаешь внимание при чтении составленного им «Списка», это искажённые названия некоторых ненецких родов. В «Репорте» Макарий пишет, что об этих самоедах его уведомил своим отношением Обдорский отдельный заседатель Илья Иванов Рещиков⁸. Значит, Макарий при составлении своего списка использовал сведения из этого документа, в котором, возможно, также не всё было правильно прописано.

Первым в «Списке» стоит Табак Алетов, рода Тускды, другие самоеды — родов Леокойского, Валеяского, Тысый, Иувейского, Хатачейского, Янгасова, Карачейсаго, Серадыты, Серудеты. Вышеперечисленные роды действительно существовали в XIX в., а некоторые существуют и поныне. Отдельные из них являются первичными родами, другие — обособившимися патронимиями. Чтобы понять, что они из себя представляют, попытаемся рассмотреть их происхождение.

Род **Тусида** (у Макария — Тускда), по научной классификации относится к фратрии Харючи, а по ненецкому традиционному делению — к хасово тэнз. Название в переводе с ненецкого означает — «без огня», «сирота». Согласно относительно недавно введённому в научный оборот данным, название Тусида встречается в документах Обдорской Петропавловской церкви о крещении самоедов за 1853 г. и за 1880 г., а в форме Тузида в документах 1876 г. и 1886 г. [22, с. 171, 230, 231, 239, 257]. Позже он был отмечен в официальных документах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. среди самоедов Обдорской инородной волости, кочевавших на Каменной (Приуральско-Ямальской) стороне [23, с. 37; 16, с. 170]. В списке, составленном А.А. Дуниным-Горкавичем в 1915 г., отмечено, что род Тусида под предводительством старшины Нанди кочевал «зимою между Полуем и Надымом, летом на Ямале у р. Тамбея и далее на север» [24, с. 44]. У р. Тамбей показаны кочевья хозяйства Нанди Тусида и на карте Б.М. Житкова [25]. Примерно там же изображена вотчина Яркулони

⁷ Там же. Л. 122-122об.

⁸ Там же. Л. 74.

Тусида на схеме В.П. Евладова [26]. Аналогичные сведения о местах кочевания рода Тусида даются в работах Г.И. Артеева, И.Ф. Ного, М.М. Броднева [12, с. 92–94].

Подробное описание расселения рода Тусида в конце 1920-х гг. представлено в «Списке населённых пунктов Уральской области». Всего в то время насчитывалось 19 семей этого рода. Основные места их кочевий в летний период находились в северной части полуострова Ямал. На зиму многие перекочёвывали к югу, поближе к факториям Госторга, некоторые переходили Обскую губу в меридиональном направлении [27, с. 185, 189, 191, 195, 201].

Род **Лэхэ** (у Макария — Леокойский) является одним из трёх основных родов европейских тундровых ненцев (вместе с Тысыи и Выуци). Название переводу не поддаётся. Впервые Лэхэ (Лехей) упоминается в «Жалованной грамоте великого князя Василия III самоедам о принятии их в подданство» 1525 г. Там, вместе с родом Карачей, его именуют «югорской самоедью, которая живёт по Оби реке» [28, с. 10–11].

Известно, что летописная Югорская земля в XI–XIII вв. располагалась к западу от Уральских гор. [29, с. 150–151; 30, с. 2005]. Там жили отдельные группы манси и хантов. По нашему мнению, расширение территории, называемой Югорской землёй, до низовий Оби началось в XIV в. Это косвенно подтверждается сведениями из Новгородской четвёртой летописи 1364 г., где написано: «*приеха с Югры новгородцы дети боярские и люди молодые воеваша по Оби реки до моря, другая половина рати на верх Оби воеваша*» [31, с. 64–65; 32, с. 219–220]. Именно в XIV столетии часть угорского населения была вытеснена из европейской части страны за Урал, продвигавшимися на север коми и русскими [10, с. 18]. Всё это даёт основания полагать, что род Лэхэ вместе с Карачей издавна кочевал по северным тундрам по обеим сторонам Уральских гор.

В XVI–XVIII вв. род Лэхэ был отмечен в ясачных документах Европейского Севера в составе двух ведомств — Пустозерского и Ижемского. Первое собирало ясак с тундровых канинских, тиманских и большеземельских ненцев, а второе — с ненцев, кочевавших в лесной зоне. В то время часть рода Лэхэ вместе с частью рода Вэли проживала в Канинской тундре [16, с. 13], а большеземельские Лэхэ продолжали кочевать, как и в прежние столетия, в Северном Приуралье. В материалах городских книг по Новгороду Великому за 1704 г. написано, что роды Лохей и Тысыня живут «круг Камени (Урала — Ю.К.), на край моря, на чистых степях, а не в лесах». В это же время они были отмечены в обдорских ясачных книгах как «пустозерские Лохей и Тысыня» [9, с. 77].

Лэхэ, как и все крупные по численности роды, стал постепенно делиться на большеfamilialные родственные коллективы-патронимии. Когда это деление началось, с точностью сказать невозможно, но с XVIII в. канинские ненцы в ясачных книгах стали записываться не по родовой принадлежности, а по фамилиям с русскими формантами *-ов*, *-ев*, *-ин*, а многие с русскими именами [33, с. 30–37]. Это было связано с постепенной, занявшей несколько веков христианизацией ненцев западных тундр. У большеземельских Лэхэ процесс дробления проходил иначе. Сюда христианские миссионеры добрались только в первой четверти XIX в.

и застали здесь уже обособившиеся патронимии, которые назывались по-ненецки — Сядэй-Лэхэ, Вэнокан-Лэхэ, Вылка-Лэхэ, Пырека-Лэхэ. Основной род Лэхэ продолжал существовать параллельно с ними [2, с. 134; 4, с. 97].

Род **Ты́сий**, так же как и Лэхэ, скорее всего существовал уже в XVI в. и, как говорилось выше, кочевал вместе с ним в Северном Приуралье. Название рода происходит от ненецкого слова «тысья» — «небольшая птичка, живущая в зарослях тальника». В различных документах и научных трудах эти роды постоянно упоминаются вместе, в том числе и в ошибочном написании Тусса-Илогаи или Тысья-Илогей [34, с. 4; 35, с. 222]. Начиная с 1703 г. в книгах ясачного сбора Пустозёрского ведомства кроме собственно рода Тысья (Тысьня) фигурируют его патронимии Явтысьня и Ногатысьня. Спустя столетие исследователи отметили появление ещё трёх подразделений — Лаптандер-Тысии, Паганседа-Тысии и Сиуседа-Тысии [2, с. 132–133; 4, с. 97].

Небольшая часть рода Тысья в XVIII в. кочевала в Канинской тундре, где от неё стали постепенно отделяться семьи, получавшие, как и в случае с семьями из рода Лэхэ, русифицированные фамилии [16, с. 84].

Род **Ны́вай** (у Макария — Иувейский) относится к родам ляпинских ненцев, которые наряду с куноватскими, составляли основное ядро войкарских «самоедов», проживавших в Берёзовском уезде Тобольской губернии [12, с. 34]. Первым письменным упоминанием этого рода являются три записи в материалах IV ревизской переписи некрещённых «самоядцов» Обдорской волости 1783 г. Здесь у ненцев рода Муртюки Каменной стороны зафиксированы жёны из рода Нынвай⁹ [16, с. 97]. В форме Гыйвай этот род был записан в 1837 г. А. Шренком [5, с. 562]. О племени Гнивай писал, среди прочего, в письме академику П.И. Кёппену в 1847 г. венгерский учёный А. Регули [3, с. 165]. В метрических книгах Колвинской церкви Мезенского, а позднее Печорского уезда Архангельской губернии за 1870—90-х гг. отмечены ляпинские самоеды Йивэ, Иовэй, а в Усть-Кожвинском приходе Печорского уезда Архангельской губернии в 1897 г. записан самоед рода Иовицкого [16, с. 97; 36, с. 68—69].

О некоем вымершем племени Ныевай, проживавшем когда-то в низовьях р. Пур и о мысе со священным местом, принадлежавшем ему, упоминал в своих записях 1911 г. Т. Лехтисало [37, с. 52, 54]. Перекликаясь с данными финского учёного, Г.Д. Вербов написал, что род Нгывай «обитает на восточном склоне Северного Урала», а «прежде распространялся далеко к востоку» и «в устье р. Пур до сего времени один из мысов называется Нгывай-Салэ» [6, с. 54]. В этих работах речь идёт о мысе Ивай-Сале, который находится в 16 километрах от устья протоки Малый Пур. В книге И.Н. Шухова «Общий обзор бассейна реки Таза» в описании зимовий и промыслов русских в Тазовской губе имеются сведения о «зимовье известной Сибирской фирмы Плотниковых», располагавшемся «на высоком мысу Гыивай-Салэ», безотносительно к какому-либо роду [38, с. 41]. В одной из работ Б.Н. Городкова мыс назван Ивай-сале [39, с. 53].

⁹ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43. Л. 169, 170об.

Название Њывай происходит, скорее всего, от ненецкого «ңэва» — голова или «ңэвэй» — головной мозг. В связи с этим интересным кажется предположение Б.О. Долгих о том, что род Њывай представляет собой «группу сибирских лесных ненцев из рода Пяк, а именно из его подразделения Нгаэвахэй» (от нен. ңэвахы — передовой, головной; предводитель, вожак) [12, с. 39]. Однако род Нгаэвахэй, как и другие подразделения рода Пяк (Сэпа, Панхэй), не упоминается в списках лесных ненцев ни в архивных документах XVII–XVIII вв., ни в работах исследователей и путешественников XVIII–XIX вв. На этом основании можно сказать, что вопрос о кочевании рода Њывай в низовьях Пура остаётся открытым.

Род **Хэтанзи** (у Макария — Хатачейский) вместе с Ванюта и Вэли относится к лесным европейским родам. Среди них он был самым большим по числу людей. В переводе с ненецкого название означает «паук светлой окраски с длинными ногами». В XVII в. представители этого рода платили ясак сразу в трёх ведомствах — Пустозёрском, Ижемском и Усть-Цилемском, а начиная с XVIII в. — только в двух последних. Основными местами летнего кочевания Хэтанзи была Печора и её правые притоки южнее северной границы леса. На зиму они уходили в бассейны Цыльмы, Пижмы и Ижмы. Отдельные семьи совершали перекочёвки через Урал и вносили ясак в Обдорском и Войкарском городках [40, с. 72; 12, с. 34–35; 16, с. 76–78, 86, 204].

Процесс разложения рода Хэтанзи на патронимии начался, по всей видимости, с конца XVIII в. Подтверждением этому служат документы, сохранившиеся в Тобольском архиве. Например, в 1789–1790 гг. Тобольское наместническое правление рассматривало дело самоеда «Мезенской округи ижемских роду Хатанзейского самоедей» Алки Дылдина о переводе его с семьёй в Куноватскую волость Берёзовской округи [13, с. 137].

В XIX–XX вв. появление фамилий у самоедов было напрямую связано с христианизацией. В одной из метрических книг Колвинской церкви за 1867 г. записан Мальгин Осип Тальков «самоедин» Ижемского ведомства рода Хатанзейского, а в книге селения Большая Пысса Яренского уезда Вологодской губернии начала XX в. отмечен крестьянин Колвинского прихода Алексей Николаев Катанзин. Материалы исповедных росписей Колвинской церкви за 1916 г. показывают, что в составе рода Хэтанзи насчитывалось к тому времени 59 фамилий [16, с. 142, 149, 150].

В XVIII–XIX вв. активные деловые и брачные контакты ненцев с коми-ижемцами на Европейском Севере привели к образованию особой группы колвинских ненцев, говоривших на ижемском языке, но сохранявших ненецкое самосознание. Нанимаясь в пастухи к коми-ижемцами колвинцы перекочёвывали вместе с ними за Урал, некоторые оседали в тамошних селениях [41, с. 30, 45; 42, с. 121]. Самоеды Колвинской волости с фамилиями Хатанзей, Хатанзеев, Хатанзиев встречаются в исповедных росписях Мужевской Михайло-Архангельской церкви в конце XIX — начале XX в.¹⁰

¹⁰ ГБУТО ГАТ. Ф. И700. Оп. 1. Д. 20. Л. 13; Там же. Д. 37. Л. 20об.-21.

Запись о роде **Яңгáсов** в «Списке» иеромонаха Макария — одна из немногих, которые удалось точно соотнести с записью в другом источнике, а именно — в материалах миссии архимандрита Вениамина, крестившей ненцев Архангельской губернии в 1825–1830 гг. [16, с. 203–204]. Название этого рода с лёгкой руки А. Шренка советские этнографы стали истолковывать неверно [6, с. 44; 12, с. 37, 40, 41, 62, 82; 7, с. 111; 16, с. 148, 150, 170, 171, 203]. У Шренка написано «...с Самоедами из рода Гыйвай и **Ягаггасовой (речные люди)**, кочующие на правом берегу реки Оби, ближе к морю». Здесь же читаем о другом роде — «**Падраггасово (лесные самоеды)** кочуют около северного Урала и нижней Оби» [5, с. 562–564]. Становится очевидным, что данный автор провёл простую аналогию между двумя родами и тем, как произносятся их названия. Правильно пишется Пэдараңхасово и Яңхасово. При произношении в обоих случаях слышится носовой звук, обозначаемый на письме сочетанием букв *нг* или буквой *ң*. Название Пэдараңхасово можно перевести как «лесные люди», но, возможно, оно означает — «ненцы с реки Пэдарата (Байдарата)». Яңхасово легко переводится с ненецкого языка и означает «ненцы, живущие отдельно» [43, с. 502–503, 844].

Наши выводы о правильности написания «Яңхасово» подтверждаются даже материалами, которые исследовали советские этнографы. К примеру, В.И. Васильев, анализируя данные метрических книг Мужевской и Градо-Берёзовской церквей за 70–80-е гг. XIX столетия приводит запись «Янг-Хазова», но тут же в скобках пишет «Яхан-Хасова» [16, с. 150], считая правильным перевод Шренка «речные люди». Интересно, что в исповедных росписях той же Мужевской церкви за 1898 г. и за 1911 г. фигурируют фамилии Янгосов и Янхозов¹¹.

Если запись в списке Макария верна, то выходит, что род Янгасов является подразделением европейского лесного рода **Вэли** (у Макария — Вaleyский). Название, возможно, происходит от ненецкого слова «вэль» — «проворный, расторопный». На рубеже XVII–XVIII в. Вэли числились плательщиками ясака в Пустозерском и Ижемском ведомствах. По сравнению с родом Хэтанзи этот род был малочисленным и его семьи кочевали весьма разрозненно — в Канинской тундре, в лесной зоне на правых притоках Печоры, а также на восточных склонах Урала вместе с войкарскими самоедами [12, с. 17, 34, 44].

Как и в случае с родом Лэхэ, Вэли, кочевавшие в Канинской тундре стали делиться на патронимии уже в XVIII в. У представителей ижемских Вэли родовое название в ясачных книгах XVII в. записывали как Волей, а с XVIII в. на русский лад — Валеевы, Вaleyские. Патронимии с русифицированными фамилиями стали выделяться у ижемских Вэли только в начале XX в. [16, с. 77, 78, 80, 148]. Род Янгасов, видимо, является исключением.

В XIX в. ижемские Вэли влились в состав колвинских ненцев. Вместе с Хэтанзи и представителями других родов они периодически ходили за Урал. В материалах уже не раз упомянутой нами Мужевской церкви отмечены самоеды Колвинской волости Валеевы и Валлей¹² [16, с. 150].

¹¹ Там же. Д. 26. Л. 31об.; Там же. Д. 37. Л. 20об.-21.

¹² Там же. Д. 20. Л. 13.

Род **Харючи** (у Макария — Карачейский) на протяжении нескольких столетий был одним из крупнейших, наряду с Вануйто, экзогамным подразделением ненцев. Название рода означает «журавлиные» (от нен. «харё» — журавль). Впервые ненцы Карачей упоминаются в «Жалованной грамоте» Василия III 1525 г., о которой говорилось выше в связи с родом Лэхэ.

В XVI–XVII вв. «карачейские самоеды» кочевали к востоку от Урала, совершая периодические перекочёвки на запад, в Большеземельскую тундру, где у них возникли устойчивые брачные связи с родом Лэхэ. Начиная с XVII в. они совместно стали нападать на ясачных сборщиков, разоряли Пустозёрск, Обдорск, Мангазею [28, с. 10–11, 29–32, 56]. Подразделения у рода Харючи отмечены уже в ясачных документах XVII в. Во второй половине XVIII в., по мере увеличения у Харючи поголовья оленей, процесс разделения рода на патронимии усилился и продолжался весь XIX в. [40, с. 75; 16, с. 84–86, 108; 16, с. 86–87, 92, 164–172; 44, с. 103–104, 151].

Одним из подразделений Харючи является род **Сэротэтто** (у Макария — Серадыта, Серудета). О происхождении названия этого рода у ненцев существует предание: «Жили три брата. Оленей у них было много. Как-то они поссорились. Старший почти всех оленей забрал и стал Нгокотэта (многооленный). Средний взял белых оленей (Сэротэта), а младшему ничего не осталось, он пошёл пешком (Ядня)» [7, с. 110].

Первое упоминание родоначальника Ядня (Ядне) по имени Яур / Явор нам удалось выявить в материалах IV ревизской переписи 1783 г. по Обдорской волости. Мы сопоставили сведения о нём со сведениями из предания о происхождении этого рода, записанного нами в Антипаютинской тундре от информанта Н.Н. Ядне [44, с. 43–45]. Другие патронимии, в том числе Окотэтто и Сэротетто, также начали выделяться из рода Харючи, именно со второй половины XVIII в., что было следствием развития у ненцев крупностадного оленеводства. Однако в ясачных документах на рубеже XVIII–XIX вв. малые роды продолжали записываться в составе материнского рода.

Впервые упоминание рода Сэротэтто встречается в одной из метрических книг миссии Вениамина за 1825 г., где женой канинского самоеда Григория Ельцова значится Агафья Тобокова Сыртыта [16, с. 158]. Род Сарадата упоминается в работе А. Шренка [5, с. 562]. Затем он надолго исчезает из документов и описаний и появляется среди прочих родов в 70–80-е гг. XIX в. в документах Обдорской Петропавловской церкви о крещении «самоедов» [22, с. 220, 221, 224, 228, 230, 234, 240, 242]. В метрических книгах Мужевской церкви за 1870–80-е гг., в записях о крещении, фигурируют «самоедин» Хаттет Сартеттной ватаги и «самоедка» Пирепти-Токолива-Сердата из владения старшины Ямруиной [16, с. 169]. Последняя запись указывает на Ямру Мадарина, старшину шестой ватаги рода Харючи, отмеченного в материалах IX и X ревизий 1850 и 1858 гг. [16, с. 165]. Судя по записям в ревизиях XVIII–XIX в., имя Ямру являлось одним из родовых имён Харючи и передавалось по наследству внуку или правнуку, даже когда род стал делиться на части.

«Ямру Алетов, рода Каррачейского Серадыты, при крещении наречён Иоанн» из «Списка» Макария, в материалах VII ревизской переписи 1816 г. записан как «Емру он же Ялку Юнсин Емруев»¹³. С ним вместе записаны жена, два сына, три дочери, сноха и внук. У Макария отмечено — «семействен он или нет — не показано»¹⁴.

В той же VII ревизии удалось обнаружить и Сабарея Литкова, рода Серудеты, который записан там как Хабка Хупадин, он же Суборин Литов. Его семья состояла из жены, сына и двух дочерей¹⁵.

На рубеже XIX–XX вв. основным местом летних кочевий представителей рода Сэротэтто была северо-восточная часть полуострова Ямал. Зимой они переходили Обскую губу и кочевали в параллельном направлении между р. Полуй и р. Надым [45, с. 106; 24, с. 44]. Отдельные семьи этого рода откочёвывали в Большеземельскую тундру, достигая Печоры. Скорее всего, они ходили туда в поисках невест. В метрических книгах Пустозерского прихода 1890–1900-х гг. неоднократно упоминаются роды «обдорских самоедов», среди которых и род Сэредята [16, с. 169, 203].

Как вас звать-величать?

Следующее, на чём запинаешься взглядом в «Списке» Макария, — имена, а также некоторые отчества и фамилии. Если крестильные православные имена ясны и понятны, то большинство ненецких не поддаются никакому переводу.

Под номером один записан Табак Алетов. Возможно, имя-прозвище этого ненца было «тобак» — «чулок из оленьей шкуры», потому, что для табака в ненецком языке есть своё название — «сяр».

Дальше по списку идёт «Яута Ацыпин Петин, рода Валеясаго». Здесь остановимся на отчестве / фамилии Ацыпин. Несомненно, это искажённая запись часто упоминаемой в различных документах, касающихся Европейского Севера, фамилии ненцев — Апицын [16, с. 84, 136, 147]. Имя самоеда Апицы впервые встречается в «Жалованной несудимой грамоте Канинским и Тиунским самоедам» 1545 г. царя Ивана Грозного, подтверждающей их права на владение исконными охотничьими и рыболовными угодьями [46, с. 182–184]. Его прямые потомки — Тиунские (Тиманские) «самоеды» «Ерофейко да Меншичко Апицыны» били челом о том же в 1631 г. царю Михаилу Фёдоровичу [47, с. 280–281].

По мнению Б.О. Долгих, Апицыны — это патронимия рода Вэра, который в свою очередь является подразделением европейского рода Ванюта, кочевавшего в Тиманской тундре [12, с. 13]. Более точных сведений о роде Вэра не имеется. Что касается Апицыных, то они постоянно фигурируют в качестве плательщиков ясака в ревизских переписях XVIII–XIX вв. как «самоеды Тиманского берега» [16, с. 84, 136]. Вместе с тем, Апицын из «Списка» Макария относится к роду Вэли (Валеяский), той его части, которая была приписана к Ижемскому

¹³ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 647об.

¹⁴ ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 189. Л. 75об.

¹⁵ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 657об.-658.

ведомству. Для подтверждения этого факта можно привести данные информантов В.И. Васильева, утверждавших, что Апицыны «разные и не все принадлежат к роду Вэра» [16, с. 220].

Далее следуют «Век Соскин Вырцабин, рода Иувейскаго» и его замужняя дочь «Тереля Веккина Вырцабина». Именно в варианте *Вырцабин* эта фамилия записана только в материалах миссии Вениамина и в «Списке» Макария, а в ревизских переписях XVIII–XIX вв. она писалась *Верцепов*. Представители этой фамилии составляли одну из патронимий рода Нгывай (Иувейский).

Родоначальником Вырцабиных / Верцеповых В.И. Васильев считает некоего ляпинского «самоеда» Вырсамея. Если это верно, то «самоеды» Тоя, Синя и Тонгали Верцеповы, зафиксированные в материалах IV ревизии 1783 г., являются его сыновьями¹⁶ [16, с. 97]. Дочь Вырсамея, 50 лет от роду, отмеченная в той же переписи, была замужем за своим одногодком Созеем Хуйпалевым из рода Ванюта Каменной стороны. В пояснении, написанном до перечисления семьи Созея, говорится, что семья Хуйпалевых, в числе 23 человек, переведена «по указу бывшей Тобольской губернской канцелярии ис Пустозерского ведомства... для платежу в казну ясака в 782 году»¹⁷.

Женой Века Вырцабина у Макария записана «Валей Калинина Лотпина, рода Хатачейского». В данном случае, описку в названии рода мы трактуем как *Хатанзейского*, т.е. *Хэтанзи*. Представители этого рода неоднократно фигурируют среди брачных партнёров ляпинских «самоедов» в XVIII–XIX и начале XX в.¹⁸ [16, с. 203–204].

Муж Терели Вырцабиной «Высык Еулин Сейламин, рода Янгасова Валейского, при крещении наречён Матфей». Возможно, его предки платили какое-то время ясак в Куноватской волости. Попробуем обосновать эту гипотезу, оттолкнувшись от фамилии Сейламин.

В одной из легенд, записанных В.И. Васильевым, говорится о трёх братьях, пришедших платить налог в Ляпин. «Братьев звали по кличкам: Варсабий — от него пошли все Варсаповы, Сейлома (?) — от него все потомки за Уралом и Пиналей — прародитель всех Пиналеев. С той поры Пиналей и Варсаповы считаются родственниками, и браки между ними (раньше) были запрещены» [16, с. 97].

Первое, на что стоит обратить внимание — Сейлома в этом рассказе остался в стороне от «братьев». Второе — реакция интервьюера, В.И. Васильев поставил после имени Сейлома вопросительный знак. Это не удивительно потому, как потомки Сейломы (Сейломины), вроде бы, не встречаются ни в ревизских переписях, ни в метрических книгах церквей. Однако в ревизии 1783 г. по Куноватской волости имеется одна интересная запись — «Переведённые из Обдорской волости после переписи (1763 г. — Ю.К.) во оную Куноватскую волость ясашные самоедцы, где они и платёж в казну ясак платят». Далее перечисляются три бра-

¹⁶ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43. Л. 22об.-23.

¹⁷ Там же. Л. 148-148об.

¹⁸ Там же. Л. 22об.-27об.

та со своими семьями: Тяра, Ляку и Няка Сея Помины. У двух братьев жёны, обе взяты у «самоедов» роду Ванюты Каменной стороны¹⁹.

На наш взгляд, Сея Помины — это и есть Сейломины. Здесь, видимо, произошло совершенно рядовое для XVIII–XIX вв. событие — описка одного из ясачных переписчиков. Скорее всего, это случилось при переводе Тяры и его семьи из одного ведомства в другое. Затем запись стала кочевать из переписи в перепись, почти в неизменном виде. Интересно, что в VI ревизии 1811 г. фамилия Тяры и его братьев записана слитно — Сеяпомины, а в VII ревизии 1816 г. написано — Тяра Сеи Помин, а у братьев приставка Сеи отсутствует²⁰. Предположим, что записи в документах переписи делались не со слов представителя этой семьи, а просто сверялись с записями прежней ревизии. Ясак, при этом, сдавался гуртом старшиной рода или ватаги.

Дальнейшую судьбу семьи Сеяпоминых / Сейломиных проследить нетрудно. Хотя и здесь не обошлось без описок переписчиков. Например, в материалах IX ревизии 1851 г. среди некрещённых куноватских «самоедов» Сынского городка отмечен сын Тяры Сея Помина — Сель Тярин. В X переписи 1858 г. сыновья Селя — Сей, Япта и Няви записаны под фамилией Тояровы, а Япта ещё и крещён под именем Никон. В материалах Мужевской церкви за 1886 г. среди куноватских ненцев встречается Никон Алексеев Тяйра²¹ [16, с. 172–173].

Фамилия Сеяпомин / Сейломин / Сейламин в чистом виде больше нигде не встречается. Зато в документах Обдорской церкви за 1876 г. упоминается сын Высыка-Матфея Сейламина. В одном из них говорится, что по указу Его императорского величества, самодержца всероссийского, Святейший правительствующий Синод преподал «самоедину и старшине» Стефану Матфееву Янгасову благословение, с выдачей ему печатного от консистории свидетельства за передачу в Обдорскую Петропавловскую церковь «13 и в Обдорскую миссию 12 оленей стоимостью более 100 рублей» [22, с. 219]. Был ли сам Стефан Янгасов богатым оленеводом или, пользуясь правами старшины, он собрал оленей у членов своей ватаги, доподлинно не известно.

Последняя фамилия, удостоенная нашего внимания, принадлежит жене Сабарея Литкова, рода Карачейского Серудеты. Звали её «Натя Карачеева Двойникова». Двойниковы — это одна из патронимий рода Тысяя, кочевавшего в Канинской тундре. Об этом свидетельствуют материалы V ревизской переписи 1795 г. по Европейскому Северу и записи миссии Вениамина 1825 г. В том, что канинская ненка Натя Двойникова является женой «самоеда» Каменной (Приуральско-Ямальской) стороны из рода Сэротэтто нет ничего необычного. Свидетельства священников и метрические книги Пустозерского и Куйского приходов второй половины XIX в. содержат сведения об обдорских «самоедах», в том числе из рода Сэротэт-

¹⁹ Там же. Л. 2об.

²⁰ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 289. Л. 1098; Там же. Д. 404. Л. 314об.-315.

²¹ ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 756. Л. 224об.; ГБУТО ГАТ. Ф. И700. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.

то, достигавших Печоры и Тиманской тундры [16, с. 84, 138, 203]. Вероятно, подобные перекочёвки случались и раньше.

Теперь обратим внимание на самоедов из «Списка» Макария, которые, судя по именам, были крещены дважды. Женой Табака Алетова записана «**Анна** Хойцева, рода Леокойскаго; при крещении наречена **Мария**». Перекрещены были и несколько других ненцев. Например, четверо детей Табака и Анны: «Офонка, при крещении наречён Иоанн; Васка, при крещении наречён Феодор; Ванка, при крещении наречён Михаил, Марина, при крещении наречена Васса. А вот дети из других семей: Анка, при крещении наречена Анна; Луфа (возможно, Луша, Лукерья?), при крещении наречена Марина. И, наконец, упомянутая выше, Ната Карачеева Двойникова, при крещении наречена Анастасия.

Как следует из заглавия, все эти ненцы были крещены миссией Вениамина в 1826 г. Самому младшему из перекрещённых, Ванке-Михаилу было в том году всего 6 лет, а старшей, Анне-Марии — 37 лет. Из этого следует, что первое крещение они приняли не позднее 1820–21 гг. И произошло это, возможно, в Сосвинской Христорождественской церкви Градо-Берёзовского ведомства, священники которой окормляли паству в Сосвинской и Ляпинской волостях. Исключение здесь составляет Ната Двойникова, которая была крещена, скорее всего, в каком-то приходе, расположенном поблизости от Канинской тундры.

«...в Куноватской и в Ляпинской по небольшому числу, а родами не именуется»

Всю группу ненцев, оказавшихся в «Списке» Макария, можно отнести к «войкарской самояди». В научной литературе этим термином обозначают ненцев, постоянно или периодически вносивших ясак в Войкарском городке, стоявшем на р. Ляпин. Основу этой общности, как говорилось выше, составляли ненцы Куноватской и Ляпинской волостей. Эпизодически, для сдачи ясака и выбора невест, сюда прикочёвывали европейские и обдорские ненцы.

Относительно родового состава «войкарской самояди» у исследователей не сложилось единого мнения. Например, Б.О. Долгих обоснованно предполагал, что «европейские лесные ненцы Пустозёрского уезда и войкарские лесные ненцы Берёзовского уезда ещё в XVII в. представляли собой одну этнографическую общность лесных самодейцев, лишь разделённую по местам уплаты ясака и административной принадлежности» [12, с. 33–34]. Н.А. Миненко, опираясь на ряд архивных документов, считает, что «едва ли не основная масса ляпинских и куноватских ненцев сформировалась из европейских переселенцев» [13, с. 137]. Интересная запись имеется в одном из документов 1782 г. — «...в Куноватской и в Ляпинской по небольшому числу, а родами не именуется, потому что из вышеписанных же родов Каменной стороны отделившиеся» [8, с. 94].

В.И. Васильев, критически отнёсшийся к мнениям коллег, высказал свою, на наш взгляд, слабо аргументированную версию, полагая, что «наиболее вероятно рассматривать ляпинских и куноватских «самоедов» как осколок этнической общности, возникшей на склонах Урала в процессе продвижения предков ненцев на север Сибири». При этом он опирался

на работы А. Регули и А. Шренка, не являющиеся полноценными этнографическими исследованиями [16, с. 98].

Скорее соглашаясь с доводами Б.О. Долгих и Н.А. Миненко, мы не можем принять точку зрения В.И. Васильева. По нашему мнению, «Повесть временных лет» прямо указывает, что самодийские предки ненцев уже в XI в. перевалили через Уральские горы и продвинулись к восточному берегу Печоры [29, с. 150–151]. Остановить их движение на запад могли только непреодолимые препятствия — море или непроходимые горы.

Русским маршруты переходов через Урал стали известны примерно с середины XIV в. [31, с. 64–65]. К началу XIX в. жители Западного и Восточного Приуралья знали, как минимум, девять сухопутных переходов и семь водных путей через Уральские горы, которыми пользовались при необходимости в разные сезоны года, переходя с одной стороны на другую и обратно [3, с. 171–175].

Документы XVII в. свидетельствуют, что уже в то время путь «через Камень» не представлял особых затруднений, чем активно пользовались «гулящие люди», контрабандой перевозившие меха из Сибири на Русь. В отписке Тобольских воевод, датируемой 1633 г., повествуется о том, как «воровские люди человек сорок» разгромили на р. Иртыш ниже Самаровских гор (вблизи нынешнего г. Ханты-Мансийск) отряд письменного головы Петра Айгустова, шедшего в Обдорск для сбора государевой десятинной пошрины. Посланный из Берёзова на Собскую заставу для поимки разбойников отряд служилых людей не нашёл их. Беглые объехали заставу выше вотчины остяцкого князя Алачева (вероятно по р. Войкар). Воеводы послали гонцов в Казань и в Соль Камскую с письмами к тамошним боярам и воеводам *«чтоб они о тех беглых людех велели учинить заказ крепкой и на Волгу б их и на Дон не пропустить»*. Настигнуть и побить разбойников удалось Мангазейскому стрелецкому сотнику Алексею Шафрану, шедшему в Сибирь с торговыми промышленными людьми по р. Уса (приток р. Печора) [48, с. 121–122, 124–126].

Другой документ представляет особую важность для нашего исследования, поскольку, среди прочего, показывает один из путей формирования «войкарской самоеди». Это «Грамота в Берёзов воеводе Петру Черкасскому о торговле русских с самоедами в Берёзовском уезде» 1607 г. В ней говорится о поимке в Обдорске торговцев из Пустозёрска, не имевших при себе проезжих грамот от приказных людей. На допросе в Берёзове пустозёрцы рассказали, *«что ездят они из Пустозера х кунной самоеди для своих старых долгов»*. Держать в Берёзове этих торговцев не стали, взяли с их пушного товара десятинную пошрину и отпустили в Пустозёрск [49, с. 234–235].

Далее в грамоте идёт развёрнутый рассказ о проблемах, которые создают перекупщики пушнины сборщикам государева ясака — *«...приезжают пустозёрцы в Берёзовский уезд по вся годы многие люди и ходят Печорою рекой в судех с великими товары, а с Печоры на Усу реку под Камень, в Роговой городок, и тут они осенют; а как дорога станет, и к ним приезжают пустозёрская каменная самоедь, их знакомцы и други, и та пустозёр-*

ская самоедь у тех торговых людей наимаются и товары их возят за Камень по тундрам к ясашной х кунной самоеди, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и Казым; а иные многие свои товары меняют за Каменем, на Усе реке, в Роговом городке; а сами торговые люди пустозёрцы ездят за товары своими с каменною самоедью на оленях и, не допуская кунную самоедь к ясатчиком на Обдор, и в Казым, и в Куноват, с ними торгуют воровством прежде нашего ясаку и сваживают их за Камень, на Усу реку, в Роговой острог; и многая де самоедь, с теми пустозёрцами исторговався и не платя нашего ясаку, отъезжает назад по тундрам, а иная самоедь отъезжают к пустозёрцам за Камень и торгуют на Усе, в Роговом городке; и от тех де пустозёрцев от торговых людей, от их воровства, по вся годы чинится в казне ясаку недобор, а десятинную пошлину многую торговые люди провозят» [49, с. 235–236].

Из этого рассказа видно, что формированию «войкарской самоеди» определённым образом способствовали русские «гулящие люди». В XVII в. (возможно и раньше) они организовали самовольную торговлю с приуральскими «самоедами». Подружившись с ненцами, кочевавшими по притокам Печоры, они доверяли им свои товары, которые те везли через Урал и обменивали на пушнину у ненцев, кочевавших на притоках Оби, Надыма и Пура. Некоторые русские сами ездили на оленях с пустозёрскими ненцами и приводили войкарских и сибирских лесных ненцев с товарами на р. Усу. Можно с уверенностью сказать, что периодические торговые контакты европейских и сибирских ненцев приводили к возникновению устойчивых брачных связей между ними. Некоторые ненцы переходили на оседлый образ жизни в селениях европейской части, а некоторые — в сибирской.

В ясачных книгах конца XVII — начала XVIII в. в составе войкарских ненцев, вместе с Сыневской и Ляпинской «самоедью», отмечены роды европейских ненцев Тыся, Лохей, Валеи, Ванюта, группа обдорской и пустозёрской «самоеди» без указания родов, а также отдельные представители сибирских тундровых ненцев родов Лодокуй, Адер, Карачея, Сигуней [15, с. 34]. В «Списке» Макария записаны европейские ненцы родов Валеи, Тысьи, Лэхэ, Хэтанзи, приуральского Нгывай и сибирских тундровых Тусида и Сэротэтто. Как видно, состав «войкарской самоеди» с конца XVII до начала XIX в. оставался достаточно подвижным, хотя и сформировался её основной костяк.

Подвижность в разные отрезки времени была вызвана разными причинами. В конце XVII — первой половине XVIII в. местные власти старались упорядочить торговлю с «самоедами» и сбор ясака, а некоторые ненцы, в свою очередь, пытались избежать сплошного контроля над ними. Со второй половины XVIII в. тундровые ненцы стали наращивать поголовье оленей, получив возможность совершать перекочёвки на далёкие расстояния, в том числе и за Урал. К этому добавляются и возникавшие периодически эпидемии оспы, последняя из которых, близкая по времени к «Списку» Макария, произошла в Западной Сибири в 1816 г. и частично затронула Европейский Север [16, с. 140–141].

Дальнейшая судьба «войкарской самоеды» тесно переплетается с народами, жившими в непосредственной близости. Постепенно расширявшиеся в XIX в. брачные контакты куноватских ненцев с хантами, коми и русскими привели к ассимиляции и утрате большинством из них ненецкого самосознания. Как одна из территориальных групп ненецкого народа куноватские ненцы перестали существовать уже в первые десятилетия XX в. [15, с. 129]. Ляпинские ненцы забыли родной ненецкий язык, но сохраняли самосознание, ещё во второй половине XX в. отличая себя от соседей — коми и манси [14, с. 20].

О родах и патронимиях

Указанные в «Списке» Макария ненецкие роды и патронимические фамилии позволяют критически взглянуть на выводы некоторых исследователей о процессах формирования родовой системы у ненцев. К примеру, по мнению В.И. Васильева, «процесс осознания ватагами своей социальной значимости или, выражаясь иначе, оформления их в общественном сознании в малые роды» падает на 70–90-е гг. XIX в. [16, с. 158, 169]. Здесь, на наш взгляд, автор опровергает сам себя, некорректно обобщая материалы собственных исследований. Действительно, по ревизским переписям XVIII–XIX вв. можно представить себе, что у ненцев в этот период существовали большие неразделённые роды. Только во второй половине XIX в. в ревизиях показано деление родов на безымянные ватаги.

С другой стороны, сведения из метрических книг и исповедных росписей, известия путешественников, чиновников и исследователей первой половины XIX в., на которые В.И. Васильев неоднократно обращает внимание [16, с. 37, 79, 84, 92, 97, 138, 141, 142, 147–155, 169–175, 184], говорят о другом. Патронимии (или малые роды) у ненцев стали выделяться из больших родов со второй половины XVIII в. по мере развития крупностадного оленеводства на Европейском Севере и в Западной Сибири. В западных тундрах патронимии крещёных ненцев получили русифицированные фамилии. Приуральско-ямальских и надымско-тазовских некрещёных ненцев продолжали записывать в ясачных документах по принадлежности к основному, материнскому роду. Одним из примеров служит упоминавшийся выше самоед из «Списка» Макария «Сабарей Литков, рода Карачейского Серудеты», который записан в VII ревизии 1816 г. и никак не выделяется из состава рода Карачей Каменной стороны. Кроме этого, «Список» подтверждает, что такие роды как Тусида и Янгасов существовали уже в начале XIX в.

Заключение

В нашем исследовании мы попытались подробно рассмотреть «Список самоедов», составленный тобольским миссионером иеромонахом Макарием (Михаилом Остальским-Боголеповым). В итоге удалось установить, что сведения, отражённые в нём, относятся к 1826 г. Здесь записаны ненцы, крещённые миссией архимандрита Вениамина, работавшей в 1825–30 гг. на севере Архангельской губернии. Судя по фамилиям и названиям родов, одни из них относились к куноватским и ляпинским ненцам, другие — к европейским тундровым

и лесным, третьи — к обдорским тундровым. Некоторых ненцев крестили дважды, первый раз, возможно, в Ляпинской волости Берёзовского уезда Тобольской губернии. Результаты анализа особенностей родового и фамильного состава ненцев из «Списка» позволяют отнести их к обособленной территориальной группе «войкарской самоеди». Ясак они платили там, где было удобно — в Пустозёрске, Обдорске или в Войкарском городке. Иеромонаху Макарию не удалось отыскать семьи этих «самоедов» (кроме одной) и узнать, в какой волости они теперь находятся и к какому церковному приходу приписаны. Этому мешала подвижность этих семей. В силу различных обстоятельств они периодически совершали перекочёвки с восточной стороны Уральских гор на западную и обратно.

Выводы о родовой принадлежности «самоедов» из «Списка» Макария позволили сделать важные замечания и уточнения, касающиеся как происхождения отдельных родов и фамилий, так и ненецкой родовой системы в целом. В частности, удалось подтвердить, что деление больших родов на патронимии началось во второй половине XVIII в., а не столетием позже, как предполагали некоторые исследователи.

«Список самоедов» иеромонаха Макария является показателем того, насколько важно исследователям обращать внимание на малозначимые, на первый взгляд, документы для расширения горизонтов исследования и составления как можно более полного представления об изучаемых предметах и объектах.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400143-4.

Таблица 1

Список Самоедов Березовского Округа, крещенных в бывшую в Архангельской Губернии миссию 1826-го года

Число		Кто именно?	Каких от роду лет	Какого округа и какой волости	Где теперь находятся и к какому Христианскому обществу причислены
Мужеска	Женска				
1.	1.	Табак Алетов, рода Тускды, сколько он лет и как ему имя дано при крещении, не показано в его скаске Жена Анна Хойцева, рода Леокойскаго; при крещении наречена Мария, от роду ей Дети ея:	37	Березовского округа Обдорской волости	Сие семейство отыскано; и теперь находится в Обдорской волости, но к обществу Христиан не причислено; а по сему, со времени их крещения Церкви Божией они не знают и живут как бы некрещенные
2.		Офонка; при крещении наречён Иоанн	12		
3.		Васка; при крещении наречён Феодор	8		
4.		Ванка; при крещении наречён Михаил	6		
	2.	Марина; при крещении наречена Васса	11		
5.		Яута Ацыпин Петин, рода Валейскаго; при крещении наречён Александр	26	Березовского округа, но	Где они теперь находятся, не известно;
	3.	Жена его Негей Гымуева, рода Тысьй; при крещении наречена Васса	23	какой волости	но об отыскании их
	4.	Дочь их Тужита; при крещении наречена Анна	1	в скаске их не показано	местное начальство прилагает старание
6.		[Л. 75об.] Век Соскин Вырцабин, рода Иувейскаго; при крещении наречён Авраамий	60	Все сие семейство	Где они теперь находятся, не известно;
	5.	Жена его Валей Калинина Лотпина, рода Хатачейскаго; при крещении наречена Феврония Дети их:	50	Березовского округа, но	но об отыскании их
		Хасов; при крещении наречён Андрей	15	какой волости не известно	местное начальство прилагает старание

8.		Хазовомбой; при крещении наречён Иоанн	5		
9.		Суст; при крещении наречён Петр	1		
	6.	Анка; при крещении наречена Анна — сколько от роду лет не показано			
	7.	Луфа; при крещении наречена Марина — сколько от роду ей лет не Показано			
10.		Зять его Высык Еулин Сейламин, рода Янгасова Валеяского; при крещении наречён Матфей	25		
	8.	Жена его Тереля Веккина Вырцабина, рода Иувейского; при крещении наречена Марфа	20		
	9.	Дочь их Кирикта; при крещении наречена Анна	1		
11.		Ямру Алетов, рода Карачейского Серадыты; при крещении наречён Иоанн. Семействен ли он или нет — не показано	55	Березовского округа Обдорской волости	Но где находится не известно
12.		[Л. 76] Сабарей Литков, рода Карачейского Серудеты; при крещении наречён Никита	59	Березовского округа	Но где теперь находятся не известно
	10.	Жена его Натя Карачеева Двойникова; при крещении наречена Анастасия	45	Обдорской волости	

Миссионер Иеромонах Макарий

Литература

1. Темплинг В.Я. «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е — 80-е гг. XIX в.). Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 328 с.
2. Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: Тип. Мин. Гос. имуществ, 1847. 142 с.
3. Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского Географического Общества, Академику П.И. Кеппену, от 21 января 1847 г. // Записки РГО. Кн. III. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. Канцелярии, 1849. С. 160–175.
4. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник ИРГО. СПб.: Тип. Э. Праца, 1855. Ч. 14. С. 77–140.
5. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. 665 с.
6. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. № 2. 1939. С. 43–65.
7. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.
8. Андреев А.И. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцах» // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84–103.
9. Колычева Е.И. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII века // Советская этнография. 1956. № 2. С. 76–88.
10. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8–47.
11. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН, 1998. 236 с.
12. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.
13. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
14. Васильев В.И. Ляпинские ненцы. Этническая судьба одной самодийской группировки (предварительное сообщение) // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972. г. М.: ИЭА АН СССР, 1974. С. 12–20.
15. Васильев В.И. Куноватские ненцы: опыт этнической реконструкции // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: ТГУ. 1978. С. 118–130.
16. Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
17. Ruttkay-Miklan E. Antal Reguly's Data on the Ural Nenets // ЭТНОГРАФИЯ / ETNOGRAFIA. 2018. № 2. С. 84–110.
18. Теодорович Н.И. Волынская духовная семинария. История первоначального устройства ея и подведомственных ей духовных училищ. Почаев: Тип. Почаевской Успенской лавры, 1901. 1024 с.
19. Унбегаун Б. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
20. Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука. 1979. С. 12–28.
21. Шемановский И.С. Избранные труды. Т. 2. М.: Советский спорт, 2011. 328 с.
22. Темплинг В.Я. Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II. Петропавловская церковь (1824–1894). Ч.1. Тюмень, 2007. 304 с.
23. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб.: 1911. 431 с.
24. Дунин-Горкавич А.А. Сведения о ненецких родах и ватагах, численности ясачных душ по Обдорской инородной управе на 1 января 1915 г. // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. документов. Тюмень, 1994. С. 43–45.
25. Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1913. 400 с.
26. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 281 с.

27. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 234 с.
28. Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2004. 200 с.
29. Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
30. Напольских В. Йогра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 240–268.
31. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 4. IV; V: Новгородская и Псковская летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. 360 с.
32. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 томах. Т. 1. М.: Просвещение, 1982. 287 с.
33. Васильев В.И. Ненцы. Энцы // Народы Сибири и Севера России в XIX в. (этнографическая характеристика). М.: ИЭА РАН, 1994. С. 29–62.
34. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов и их житейских обычаев, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. III. О народах Самоедских, Манджурских и Восточных Сибирских как и о Шаманском Законе. СПб.: Тип. Имп. АН, 1799. 116 с.
35. Лепёхин И.И. Путешествие академика Ивана Лепёхина. Часть IV. В 1772 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1805. 463 с.
36. Васильев В.И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 48–81.
37. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд. Томского университета, 1998. 136 с.
38. Шухов И.Н. Общий обзор бассейна реки Таза. Ачинск: Тип. К.Ф. Крестникова, 1915. 43 с.
39. Городков Б.Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири. М., 1926. 64 с.
40. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 662 с.
41. Хомич Л.В. Современные этнические процессы на севере Европейской части СССР и Западной Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 28-61.
42. Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука. 1970. С. 103–153.
43. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 942 с.
44. Квашнин Ю.Н. Гыданские ненцы: история формирования современной родовой структуры (XVIII-XX вв.). М.-Тюмень, 2003. 186 с.
45. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1904. 78 с.
46. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.
47. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб.: Тип. II отд. собст. Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 3. 1613–1645. 518 с.
48. Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVI-XVIII вв. // Уральский исторический вестник, 1994. № 1. С. 121–132.
49. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 630 с.

References

1. Templing V.Ya. *“I zdes' poyavlyatsya zarya khristianstva...”* (Obdorskaya missiya 30-e — 80-e gg. XIX v.) [“And here comes the dawn of Christianity ...” (Obdorsk mission of the 30 — 80 of the XIXth century)]. Tyumen', Mandr i K^a Publ., 2003, 328 p. (In Russ.)
2. Islavin V. *Samoedy v domashnem i obshchestvennom bytu* [Samoyeds in home and public life]. St. Petersburg: Ministestva Gosudarstvennykh imushchestv Publ., 1847, 142 p. (In Russ.)

3. *Perevod pis'ma vengerskago puteshestvennika g-na Reguli k chлену Russkago Geograficheskago Obshchestva, Akademiku P.I. Keppenu, ot 21 yanvarya 1847 g.* [Translation of the letter of the Hungarian traveler Mr. Reguli to the member of the Russian Geographic Society, Academician P.I. Köppen, dated January 21, 1847]. St. Petersburg, Tipografiia II otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1849, pp. 160–175 (In Russ.).
4. Veniamin, arhimandrit. *Samoedy mezenskie* [Mezen Samoyeds]. Vestnik IRGO Publ., Part 14. St. Petersburg, 1855, pp. 77–140. (In Russ.)
5. Shrenk A. *Puteshestvie k severo-vostoku Evropeyskoy Rossii chrez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram* [Journey to the northeast of European Russia through the tundras of the Samoyeds to the northern Ural mountains]. St. Petersburg, G. Trusov Publ., 1855, 665 p. (In Russ.)
6. Verbov G.D. *Perezhitki rodovogo stroya u nentsev* [Remnants of the tribal system of the Nenets]. *Sovetskaya etnografiya*, 1939, no. 2, pp. 43–65.
7. Khomich L.V. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii nentsev*. [Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Nenets]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 190 p. (In Russ.)
8. Andreev A.I. "Opisaniya o zhizni i uprazhnenii obitayushchikh v Turukhanskoy i Berezovskoy okrugakh raznogo roda yasachnykh inovertsakh" ["Descriptions of the life and exercise of yasak people of different faiths living in the Turukhansk and Berezovsky districts"]. *Sovetskaya etnografiya*, 1947, no. 1, pp. 84–103.
9. Kolycheva E.I. *Nentsy Evropeiskoi Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka* [Nenets of European Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century]. *Sovetskaya etnografiya*, 1956, no. 2, pp. 76–88.
10. Sokolova Z.P. *Obskie ugry (khanty i mansi)* [Ob Ugrians (Khanty and Mansi)]. *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 8–47.
11. Martynova E.P. *Ocherki istorii i kultury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow: IEA RAS, 1998. 236 p. (In Russ.).
12. Dolgikh B.O. *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 269 p. (In Russ.)
13. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII — pervoy polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [North-Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century. Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 308 p. (In Russ.)
14. Vasil'ev V.I. *Lyapinskie nentsy. Etnicheskaya sud'ba odnoy samodiyskoy gruppirovki (predvaritel'noe soobshchenie)* [Lyapin Nenets. Ethnic fate of one Samoyedic group (preliminary report)]. *Novoe v etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniyakh* [New in ethnographic and anthropological research]. Moscow, IEA AS USSR, 1974, pp. 12–20. (In Russ.)
15. Vasil'ev V.I. *Kunovatskie nentsy: opyt etnicheskoy rekonstruktsii* [Kunovat Nenets: the experience of ethnic reconstruction]. *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoy Sibiri*. [Ethnocultural phenomena in Western Siberia]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1978, pp. 118–130. (In Russ.)
16. Vasil'ev V.I. *Problemy formirovaniya severo-samodiyskikh narodnostey* [Problems of formation of the North-Samoyed peoples]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 243 p. (In Russ.)
17. Ruttkay-Miklan E. *Antal Reguly's Data on the Ural Nenets*. *ETNOGRAFIYA*, 2018, no. 2, pp. 84–110.
18. Teodorovich N.I. *Volynskaya dukhovnaya seminariya. Istoriya pervonachal'nago ustroystva eya i podvedomstvennykh ey dukhovnykh uchilishch* [Volyn Theological Seminary. The history of the original device of her and subordinate to her spiritual schools]. Pochaev, Pochaevskoi Uspenskoi lavry Publ., 1901, 1024 p. (In Russ.)
19. Unbegaun B. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989, 443 p.
20. Khomich L.V. *Vliyanie khristianizatsii na religioznye predstavleniya i kul'ty nentsev* [Influence of Christianization on religious ideas and cults Nenets]. *Khristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Christianity and Lamaism among the indigenous people of Siberia (the second half of the XIX — early XX centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 12–28. (In Russ.)
21. Shemanovskiy I.S. *Izbrannyye trudy* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Sovetskii sport Publ., 2011, 328 p. (In Russ.)

22. Templing V.Ya. *Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh. Vyp. II. Petropavlovskaya tserkov' (1824–1894). Ch.1. Tyumen'* [Obdorsk Churches: chronicle in the documents. Issue II. Peter and Paul Church (1824–1894). Part 1]. Tyumen', 2007, 304 p. (In Russ.)
23. Patkanov S.K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev. T. 2. Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseyskaya gub.* [Statistical data showing the tribal composition of the Siberian population, language and clans of foreigners. Vol. 2. Tobolsk, Tomsk and Yenisei Province.]. St. Petersburg, 1911, 431 p. (In Russ.)
24. Dunin-Gorkavich A.A. *Svedeniya o nenetskikh rodakh i vatagakh, chislennosti yasachnykh dush po Obdorskoy inorodnoy uprave na 1 yanvarya 1915 g.* [Information on the Nenets clans and trophies, the number of yasak souls in Obdorsk foreign administration as of January 1, 1915]. *Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.)*. [Fates of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of nation-building. 1822–1941)]. Tyumen', 1994, pp. 43–45. (In Russ.)
25. Zhitkov B.M. *Poluostrov Yamal* [Yamal Peninsula]. St. Petersburg: M. Stasiulevich Publ., 1913, 400 p. (In Russ.)
26. Evladov V.P. *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu* [On the tundra of the Yamal to the White Island]. Tyumen', Tyumen Scientific Centre SB RAS, 1992, 281 p. (In Russ.)
27. *Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti. T. XII. Tobol'skiy okrug* [The list of settlements of the Ural region. Vol. XII. Tobolsk District]. Sverdlovsk: Izd. orgotdela Uraloblispolkoma, Uralstatupravleniia i okruzhnykh ispolkomov Publ., 1928, 234 p. (In Russ.)
28. Vershinin E.V., Vizgalov G.P. *Obdorskiy kray i Mangazeya v XVII veke. Sb. dokumentov* [Obdorsk region and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents.]. Ekaterinburg, Tezis Publ., 2004, 200 p. (In Russ.)
29. *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 512 p. (In Russ.)
30. Napol'skikh V. *Yogra. (Rannie obsko-ugorsko-permskie kontakty i etnonimiya)* [Yogra. (Early Ob-Ugrian-Perm contacts and ethnonymy)]. *Antropologicheskii forum*, no. 3, 2005, pp. 240–268. (In Russ.)
31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissiiy. T. 4. IV. IV; V: Novgorodskaya i Pskovskaya letopisi* [The complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archeographic Commission. Vol. 4. IV; V: Novgorod and Pskov Chronicles]. St. Petersburg, E. Prats Publ., 1848, 360 p. (In Russ.)
32. Magidovich I.P., Magidovich V.I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. V 5 tomakh. Tom 1.* [Essays on the history of geographical discoveries. In 5 volumes. Vol. 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 287 p. (In Russ.)
33. Vasil'ev V.I. *Nentsy. Entsy [Nenets. Enets]. Narody Sibiri i Severa Rossii v XIX v. (etnograficheskaya kharakteristika)* [Peoples of Siberia and the North of Russia in the XIX century (ethnographic characteristic)]. Moscow, IEA RAS, 1994, pp. 29–62. (In Russ.)
34. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom Gosudarstve narodov i ikh zhiteyskikh obryadov, odezhd, zhilishch, veroispovedaniy i prochikh dostopamyatnostey. Ch. III. O narodakh Samoedskikh, Mandzhurskikh i Vostochnykh Sibirskikh kak i o Shamanskom Zakone.* [Description of all the people living in the Russian State and their everyday rituals, clothing, housing, religions and other monuments. Part III. About the Samoyed, Manjur and East Siberian peoples as well as the Shaman Law]. St. Petersburg, Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1799, 116 p. (In Russ.)
35. Lepekhin I.I. *Puteshestvie akademika Ivana Lepekhina. Chast IV. V 1772 g.* [Journey of Academician Ivan Lepekhin. Part IV. In 1772]. St. Petersburg, Imp. AN Publ., 1805, 463 p. (In Russ.)
36. Vasil'ev V.I. *Nentsy i entsy [Nenets and Enets]. Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 48–81. (In Russ.)
37. Lekhtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsyev)* [Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk, Tomskiyi university Publ., 1998, 136 p. (In Russ.)
38. Shukhov I.N. *Obshchiy obzor basseyna reki Taza* [General overview of the basin of the Taz River]. Achinsk, K.F. Krestnikov Publ., 1915, 43 p. (In Russ.)
39. *Gorodkov B.N. Kratkiy ocherk naseleniya kraynego severo-vostoka Zapadnoy Sibiri* [A brief sketch of the population of the Far northeast of Western Siberia]. Moscow, 1926, 64 p. (In Russ.)

40. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. Moscow, Nauka Publ., 1960, 662 p. (In Russ.)
41. Khomich L.V. *Sovremennye etnicheskie protsessy na severe Evropeyskoy chasti SSSR i Zapadnoy Sibiri* [Modern ethnic processes in the north of the European part of the USSR and Western Siberia]. *Preobrazovaniya v khozyaystve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* [Transformations in the economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 28–61. (In Russ.)
42. Sokolova Z.P. *Sotsial'naya organizatsiya obskikh ugrov i sel'kupov* [The social organization of the Ob Ugrians and Selkup]. *Obshchestvennyy stroy u narodov Severnoy Sibiri* [Social order among the peoples of Northern Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 103–153. (In Russ.)
43. Tereshchenko N.M. *Nenetsko-russkiy slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1965. 942 p. (In Russ.)
44. Kvashnin Yu.N. *Gydanskie nentsy: istoriya formirovaniya sovremennoy rodovoy struktury (XVIII-XX vv.)* [Gydan Nenets: the history of the formation of the modern clan structure (XVIII-XX centuries)]. Moscow-Tyumen', 2003, 186 p. (In Russ.)
45. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, ee estestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya* [Tobolsk North. General overview of the country, its natural wealth and industrial activity of the population], St. Petersburg, V. Kirshbaum Publ., 1904, 78 p. (In Russ.)
46. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspedi-tsieyu imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1836, vol. 1, 1294–1598, 548 p. (In Russ.)
47. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspedi-tsieyu imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniia sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1836, vol. 3, 1613–1645, 518 p. (In Russ.)
48. Akishin M.O. *Novye dokumenty ob otnoshenii aborigenov Severa Zaural'ya k russkim vlastyam. XVI-XVIII v.* [New documents on the attitude of the aborigines of the North of the Urals to the Russian authorities. XVI-XVIII centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 1994, no. 1, pp. 121–132.
49. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, "Vostochnaya literatura" Publ., RAS, 2000, vol. II, 630 p. (In Russ.)